

ЗАЧЕМ НУЖНА СТАРАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, ЕСЛИ ЕСТЬ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ?¹

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

А.А. ОГАНЕСЯН,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: aaoganesyana@sfedu.ru

В последние годы вопросы, касающиеся методологических разногласий между старым (оригинальным) институционализмом и новой институциональной экономикой, привлекают всё большее внимание экономистов-теоретиков. Дискуссия на эту тему активно развивается и становится всё более популярной. Множество работ посвящено исследованию исторических причин и событий, обусловивших доминирование в современных учебных курсах и исследовательских практиках вузов неоклассического и неоинституционального направлений в ущерб оригинальному институционализму. В данной статье мы поставили задачу продолжить дискуссию, напомнив читателю некоторые общие моменты, характеризующие различия между методологией исходного институционализма и неоинституциональной школы, и сосредоточившись, в частности, на разъяснении понятия трансакции как единицы экономической деятельности и последствий, к которым привела его неверная трактовка, для институционального анализа.

Ключевые слова: старый (оригинальный) институционализм; новая институциональная экономика; неоинституционализм; методология институциональной экономики; трансакции; институты.

WHAT IS OIE NEEDED FOR, IF THERE IS NIE?

V.V. VOLCHIK,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

A.A. OGANESYAN,

Candidate of Economics (PhD), Principal Researcher,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: aaoganesyana@sfedu.ru

Over the last decades economic theorists have shown an increasing interest in the issues related to methodological differences between OIE and NIE. The discussion gets more complicated and popular, having attracted institutionalists of both camps. Extended literature exists on the historical events

¹ Выражаем благодарность В.М. Ефимову за ценные советы и дружескую помощь при подготовке данной статьи.

that caused dominance of neoclassical and neo-institutional economics in the University syllabuses, original institutional economic being neglected at that. In this article, an attempt is made to continue the discussion by reminding the reader of the general differences between the original institutionalist methodology and the neo-institutional one. Then, we proceed by explaining the concept of a transaction as the basic unit of economic activity, revealing adverse consequences of its misunderstanding in the institutional analysis.

Keywords: *Old (Original) Institutional Economics (OIE); New Institutional Economics (NIE); methodology of institutional economics; transaction analysis; institutions.*

JEL classifications: *B41, B52, B15, B25.*

*Школы экономической мысли могут впоследствии
взаимопроникать друг в друга и взаимодействовать,
обмениваясь опытом и идеями, однако их изначальная целостность
и специфичность определяются их происхождением в рамках
конкретной конструкции наших знаний о мире и, следовательно,
о самих себе и других акторах.
Филип Майровски (Майровски, 2013а. С. 85)*

Методология имеет значение

Институциональная экономика как важное научное направление и как учебная дисциплина за последние двадцать лет значительно укрепила свои позиции. Это обусловлено:

- развитием неинституциональной, или новой институциональной экономической теории, которая стала важнейшим направлением эволюции современной неоклассической экономической теории;
- необходимостью осмысления радикальных институциональных трансформаций в хозяйственных порядках постсоциалистических стран, а также значительным ускорением темпа институциональных изменений в большинстве национальных экономик;
- возросшим значением неортодоксальных экономических теорий, которые все больше определяют развитие перспективных научных направлений в современной экономической теории.

Экономисты не очень любят заниматься методологией, так как это сравнительно редко приносит дивиденды в виде грантов или множества цитирований. В рамках современной институциональной экономики существует методологическая путаница, одним из проявлений которой являются нечеткие границы между оригинальной институциональной экономической теорией и неинституционализмом.

«Методологическая чистота» является недостижимым идеалом в условиях бурного развития междисциплинарных исследований и размывания границ между научными школами и теоретическими направлениями. Однако методологическая путаница также приносит определенный вред, вводя в заблуждение как начинающих исследователей, так и представителей смежных с институциональной экономикой научных школ. В предлагаемой статье мы продолжим ставшую популярной в последнее время тенденцию выявления различий между методологическими подходами старого (оригинального) институционализма² (Old (original) institutional economics, OIE) и неинституционализма (New institutional economics, NIE), сосредоточившись на вопросах фундаментальных определений в трактовке различными современными институционалистами.

² В некоторых российских исследованиях используется термин «традиционный институционализм». Очень удачным представляется использование эпитета «исходный» по отношению к данному направлению институциональной мысли (Ефимов, 2007), поскольку во многом помогает освободиться от стереотипов и не воспринимать соответствующую методологию как «устаревшую», а, наоборот, – подчёркивать её идентичность. В то же время, – отчасти в силу тех же соображений, – в рамках данной статьи мы предлагаем говорить о традиции старого институционализма как об «оригинальной», что позволит подчеркнуть её подлинность и соответствие историческим корням, в противоположность во многом искажившему этот подход неинституционализму.

Оригинальный vs. новый институционализм: элементы современной дискуссии

Среди пяти положений оригинальной (старой) институциональной экономической теории, обозначенных Дж. Ходжсоном в его статье «Какова сущность институциональной экономики?» (*Hodgson, 2000*), в качестве единственной наиболее важной характеристики, определяющей старый институционализм как самостоятельную теорию и позволяющей чётко разграничить старый и новый институционализм, выделяется следующее. «Представление об индивиде как о максимизирующем человеке является нереалистичным, или ошибочным. Институционалисты не рассматривают человека как нечто заданное. Необходимо учитывать институциональную и культурную среду, в которой находится человек. Дело не только в том, что люди создают институты, но и в том, что институты оказывают достаточно сильное влияние на людей посредством преобразующей нисходящей причинной связи. ... Данное предположение проходит красной нитью через всю историю развития институциональной науки, начиная от Веблена и заканчивая Гэлбрейтом, и при этом редко используется другими теориями» (*Hodgson, 2000. P. 317*).

Так, важное методологическое значение в мышлении экономистов, продолжающих традиции исходного институционализма, приобретает акцент на такой преобразующей нисходящей причинной связи и роли привычки в экономическом поведении, наряду с критикой заданной функции предпочтений (*Ходжсон, 2003а*) и модели экономического человека, не обременённого вопросами морали и социальных ценностей, запрограммированного на поиск удовольствия и способного осуществлять с точностью автомата калькулирование собственных выгод и издержек (*Hodgson, 2013; Ефимов, 2013*)³.

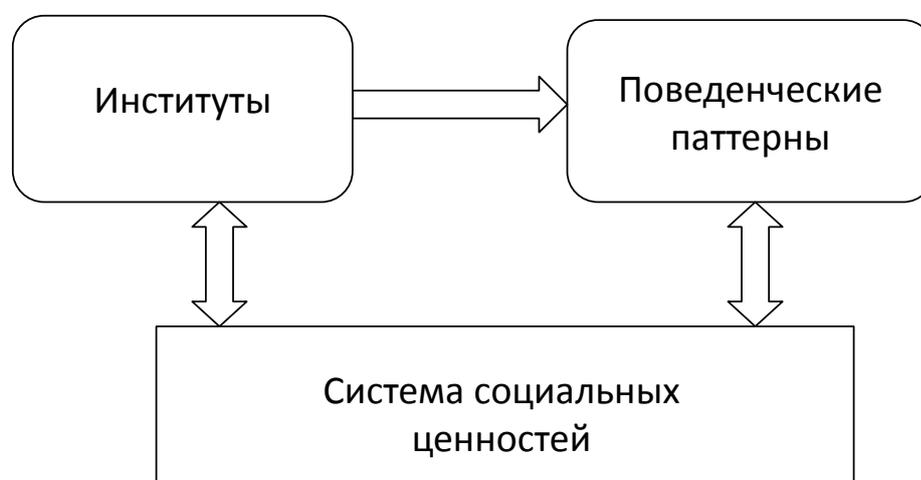
Между тем разница в методологических подходах оригинального институционализма и новой институциональной экономики обусловлена разницей в традициях научного исследования – картезианской аналитической философией, напрямую способствовавшей формированию «неоклассического портрета «рационального экономического человека» (мигрировавшего впоследствии в неоинституционализм), и философской программой прагматизма, предложившей альтернативную модель рационального экономического человека. Ф. Майровски блестяще показал несостоятельность методологических предпосылок первой применительно к социально-экономическому анализу на основании расследования факторов, причин, исторических процессов, способствовавших закреплению неоклассической экономической теории в качестве господствующей на долгие годы (*Майровски, 2012*). Результатом стало то, что неоинституционалисты объясняют формирование и функционирование институтов с помощью методов неоклассической теории, где институты выбираются индивидами в процессе экономических и социальных взаимодействий и, следовательно, являются результатом выбора, а не обуславливают индивидуальные предпочтения и поведенческие паттерны.

Вслед за продолжившими (или попытавшимися продолжить) традицию Ч. Пирса философами-прагматиками (У. Джеймсом, Д. Дьюи) стоявшие у истоков институциональной мысли в экономической теории Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл исходили, как бы мы сказали сегодня, из концепции укоренённости привычки как ключевого элемента для понимания сущности и эволюции институтов (см., например, *Ходжсон, 2003а*). Важность трактовки институтов как «опривыченных» – как по отношению к определённому сообществу, так и по смыслу ситуаций, где эти правила применяются, – правил взаимодействий между людьми, как для экономической дисциплины, так и для исследовательских практик подчёркивается В. Ефимовым (*Ефимов, 2007*).

Проблема обусловленности экономического поведения социальным окружением (контекстом) и социальными ценностями изначально являлась отличительной характеристикой оригинальной институционалистской традиции (*Веблен, 1984; Bush, 1987*). В то время как неоклассическая экономика, а вслед за ней и неоинституционализм, отделили социальный контекст от контекста

³ Кстати, на примере этих двух фундаментальных по характеру работ – книги Дж. Ходжсона «От машин удовольствия к моральным сообществам: Эволюционная экономика без Homo Economicus» и размышлений В. Ефимова по поводу её содержания – можно наглядно продемонстрировать, как в связи с дискуссией по поводу причин, вызвавших финансовый кризис 2008 г., актуализировался институциональный дискурс, а именно, обсуждение, которое призвано обратить внимание на исследовательские вопросы, традиционно лежавшие в плоскости исходной институциональной экономики, с точки зрения как философии, так и исследовательских практик современной экономической системы.

осуществления экономического выбора, традиционный институционализм трактовал экономическую рациональность как социально и культурно обусловливаемую (Майровски, 2013b. С. 76). Так, акцентируя внимание на преимущественно эндогенной природе институтов и их тесной связи с привычками, правилами и социальными ценностями, оригинальный институционализм рассматривает участвующего в экономической деятельности человека как включенного в социальную среду, подчеркивая важность социальных связей (в качестве характеристики социального капитала). Система социальных ценностей выступает при этом своеобразным звеном, опосредующим институциональные изменения и обеспечивающими как прямую, так и обратную связь между институтами и поведенческими паттернами (см. рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь институтов, поведенческих паттернов и социальных ценностей в понимании оригинального институционализма

Различие между старой и новой институциональной экономикой становится очевидным, когда в рамках новой институциональной экономики предпринимаются попытки рассматривать институты как экзогенно заданные ограничения. В то время как определяющей чертой новой институциональной экономики служит акцентирование роли институтов как ограничений при осуществлении тех или иных экономических действий⁴, особенностью старой институциональной экономики является акцентирование институтов как определяющего фактора познавательной способности агента (Khalil, 1995).

Такая сосредоточенность новой институциональной экономической теории на ограничениях серьезно сужает круг рассматриваемых в ней проблем, поставляя, кроме того, согласно удачному выражению В. Ефимова, «вредные концептуальные заготовки для политического дискурса» (Ефимов, 2013. С. 33). Существует даже некое расширение неоклассической теории, в рамках которого рассматриваются институциональные ограничения, трансформирующиеся в правила, принимаемые по взаимному согласию. Часть новой институциональной экономики могла бы рассматриваться как принадлежащая к этой линии исследования. Верно также то, что другие сегменты новой институциональной экономики, даже не просто расширяя неоклассический подход, всё ещё сосредоточены на институциональных ограничениях. Аналогично неоклассике, в новой институциональной экономике господствует подход, принимающий индивидуумов и их желания и предпочтения как данность, в целях, облегчающих экономические исследования.

Как было отмечено выше, различия между оригинальной институциональной экономикой и неинституционализмом во многом определяются историей их развития, генезисом основных идей и подходов. Возникновение традиционного институционализма как направления мысли прежде всего связывают с именем Т. Веблена. Характеризуя его роль в этом качестве, лучше всего привести слова Филипа Майровски: «признанный основатель институциональной школы в экономике, он

⁴ Более подробно см.: (Dequech, 2002. P. 567; Ходжсон, 2003b; Hodgson, 1998).

решил поднять вопрос философских предпосылок современной ему экономической дисциплины, критикуя её полномочия как науки. С тех пор институциональную школу отличают от общего ортодоксального течения на основании интереса к философским аспектам экономических проблем, и, в особенности, – её роли в качестве критика неоклассической экономики» (Майровски, 2013а. С. 82). (Хотя впоследствии подход Веблена критиковался другими представителями институциональной школы – в первую очередь, У.К. Митчеллом – за его спекулятивность (Gruchy, 1947. P. 255)).

Возникновение термина «институциональная экономика» связано с именем У. Гамильтона. Гамильтон, как и многие институционалисты, считал, что современная экономическая теория может быть только институциональной теорией. Именно он в 1919 г. писал: «Несомненно, «институциональный подход» заслуживает внимания, поскольку представляет собой удачный путь к желанной истине, но его значимость определяется тем, что это – единственная дорога к правильному варианту теории. Обращение к «институциональной экономике» не предполагает критику истинности или ценности других разделов экономической мысли; но оно отвергает притязания другого образа мышления называться «экономической теорией» (Гамильтон, 2007. С. 110).

По иронии судьбы, первые американские институционалисты использовали теоретический аппарат и инструментарий, который впоследствии нашел широкое распространение в социологии, а в экономической теории был вытеснен формализацией и математическим моделированием. Старые институционалисты всегда подчеркивали важность социальных контекстов для экономических исследований, более того, жесткое разделение на чисто экономическое и социологическое знание в рамках данного подхода является невозможным или даже вредным для релевантного понимания реальных процессов в обществе вообще и экономике в частности (Резерфорд, 2012; Rutherford, 2006).

Новая институциональная экономика... Новизна подхода или подмена понятий?

Обрисовав в общих чертах отличительные методологические особенности оригинального институционализма и учитывая, что по источникам, на которые мы ссылались выше⁵, можно подробно изучить исторические события и причины, приведшие к доминированию в современных учебных курсах и исследовательских практиках вузов неоклассического и неинституционального направления в ущерб оригинальному институционализму, неплохо бы задаться вопросом, в чём же фундаментальная суть различий между двумя направлениями, оправдывающая такое к себе внимание?

На наш взгляд, ключом к пониманию сущности оригинального институционализма (прежде всего, – в качестве экономической философии) служит блестящая статья Дж. Коммонса «Институциональная экономика» (Коммонс, 2012), раскрывающая понятие института как «коллективного действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия»⁶ (Коммонс, 2012. С. 69), а трансакции – исходной/первичной единицы экономической деятельности – как соединенные экономического, правового и этического в процессе человеческих взаимодействий.

Важным методологическим следствием приведённого определения института, непросто воспринимаемого русскоязычным читателем, служит то, что трактовать институты лишь как экзогенные ограничения, легитимизируя тем самым оптимизационный анализ по поводу их эффективности, – недопустимо. Ключевую для понимания данного определения мысль можно выразить формулировкой одного из положений, отражающих суть типа мировоззрения, базирующегося на понятии

⁵ Имеются в виду представленные в списке литературы работы Ф. Майровски и В.М. Ефимова.

⁶ В данном контексте, для разъяснения, представляется обоснованным также перевести «action» (англ. – «действие; воздействие») как «воздействие» – со стороны общества, коллективов, членов сообществ.

Трудности восприятия с точки зрения русского языка отчасти понятны: ведь, когда речь идёт об институтах, подразумевается не столько непосредственно физическое «действие», сколько в основном моральное, нравственное «воздействие».

Вполне логично, что если воспринимать словосочетание «коллективное действие» вне контекста философской статьи Коммонса, оно с готовностью открыто и уязвимо для критиков холистического подхода – адептов методологического индивидуализма, с тех позиций, что «коллективы» не действуют как единый организм; «действуют» всегда отдельные индивиды.

По той же причине особого разъяснения требует и эпитет «коллективное» («collective»). Дело в том, что в контексте приведённой концепции институтов и институциональной экономики Коммонс недвусмысленно даёт понять, что «коллективный» здесь относится не к некоей метафизической сущности, а – к массовости, общераспространённости, укоренённости [институтов и соответствующих им действующих правил] среди большого количества людей, т. е. – в масштабах обществ и сообществ.

сообщества: «Только общество и государство могут обеспечить свободу индивида» (см. подробно: *Ефимов, 2013. С. 13–18*).

Введённое исходным институционализмом в инструментарий экономической науки понятие трансакции обозначает процесс взаимодействия контрагентов, в ходе которого происходит взаимная передача *прав и обязанностей*. Этот самый акцент на правах и обязанностях резко контрастирует с совершенно рациональным Homo Economicus в неоклассической теории, который абсолютно свободен от каких бы то ни было прав и обязанностей. Трансакция структурировалась Коммонсом поэтапно на процессе переговоров, принятия обязательств и исполнения обязательств. Наиболее чётко эти этапы стали выделяться с возникновением кредитной экономики, экономики активов и пассивов предприятия. Современная Дж. Коммонсу экономика – так же, как и сегодняшняя экономическая система, – как раз и есть экономика взаимных обязательств, в отличие от предшествовавшего ей этапа экономики, для которой характерна была в основном «физическая» передача товаров, что, по большей части, и составляло предметную область гедонистического подхода в предшествовавший этап развития экономической науки. Трансакция же характеризовалась как исходная единица анализа *институциональной экономики*, являвшейся новым этапом в развитии экономической науки⁷.

В свою очередь, роль трансакций как единства экономического, правового и этического, то, что Дж. Коммонс прямо указывал, что в трансакции осуществляется связь права, экономики и этики, что трансакции представляют собой не обмен товаров в физическом смысле, а отчуждение и приобретение индивидами прав будущей собственности на материальные объекты, что регулируется и определяется коллективными правилами общества⁸, – означает акцент исходного институционализма на выявлении так называемых действующих правил⁹, опосредующих трансакции в качестве институциональных элементов, и процессе достижения договорённости между контрагентами, руководствующимися этими правилами. При этом соответствующая терминология (отражающая правила осуществления трансакций, действующие правила, которыми руководствуются индивиды, принимая участие в трансакции) отражает закрепление в практике определённых действующих правил.

Специфика исходного институционализма заключалась в том, что он позволял трактовать конфликт между взаимодействующими сторонами как разрешимый конфликт посредством переговоров, направленных на достижение договорённости (arrangement/accommodation). Таким образом, институциональная экономика отличалась как от марксизма, который изображал классовый конфликт как неразрешимый, или как неустраняемое противоречие, а также от неоклассической школы, акцентировавшейся не на правовом контроле над обмениваемыми благами в терминах прав, обязанностей и психологии переговоров, а на физическом контроле над благами.

⁷ Иными словами, Дж. Коммонс выразил понимание того, что уже в первой половине XX в. истинная экономическая наука, в лице институциональной экономики, должна отказаться от стандартных атрибутов современной неоклассики в виде фокусирования на расчёте полезности и т. д. как устаревших: «Фактически, для институциональной экономики источником данных и методологических принципов служит именно область корпоративных финансов, характеризующая изменчивостью активов и пассивов, а не область потребностей и труда, или удовольствий и страдания, или богатства и счастья, или полезности и отрицательной полезности. Институциональная экономика – это активы и пассивы предприятий и организаций, в отличие от «Богатства народов» Адама Смита» (см. подробно: *Коммонс, 2012. С. 71*).

⁸ «Трансакции встают между трудом экономистов-классиков и удовольствием экономистов-гедонистов [неоклассиков] просто потому, что именно общество контролирует доступ к силам природы, и трансакции являются не «обменом товарами», а отчуждением и присвоением между индивидами прав собственности и свобод, создаваемых обществом, которые должны, следовательно, быть предметом переговоров между вовлеченными сторонами до того, как труд сможет что-то создать, потребители — потребить, а товары — быть обменены физически» (*Коммонс, 2012. С. 72*). В свою очередь, универсальными принципами участия агентов в трансакции сделки выступают принцип редкости (ограниченности) ресурсов, добровольности, эффективности, устремлённости в будущее, действующих правил и ограничивающих факторов, подчинённых волевому контролю: «Сфера институциональной экономики построена на принципах редкости, эффективности, устремленности в будущее и ограничивающих факторов, выведенных из более старых экономических школ, но соотносящихся в рамках современных понятий о действующих правилах коллективного действия, контролирующего, освобождающего и расширяющего индивидуальное действие» (*Коммонс, 2012. С. 75*).

⁹ Скажем, применительно к трансакции торго соответствующие классы действующих правил – это правила конкуренции, дискриминации, переговорной силы/рыночной власти, правовых/административных норм, внешних эффектов, положительных/отрицательных.

Такое правильное понимание экономического содержания трансакции и означает, что институциональный анализ – это и есть анализ трансакций, а взаимодействие людей изображается в таком контексте не как взаимодействие физиологических тел, движимых страданиями и удовольствиями, а как граждан, с их правами и обязанностями, включённых в различные сообщества-организации, обладающих привычками и следующих этим привычкам под давлением обычаев этих сообществ-организаций (Chavance, 2012). Так, трансакционный анализ необходимо предполагает выявление того, какие из действующих правил какого класса на каком этапе трансакций обуславливают определённый результат, будучи институционализированы, т. е. закреплены институционально – опривычены в широких масштабах, повсеместно в практике организаций. Именно в объяснении того, как существующее положение дел обуславливается закрепившимися формально прописанными и неформальными существующими действующими правилами, – ключ к пониманию социальной пользы институциональной экономики: ведь изначально отличительной чертой исходного институционализма являлась постановка задачи – как различным классам, обмениваясь, увеличивать своё благосостояние и обеспечивать рост благосостояния экономики в целом в долгосрочной перспективе¹⁰.

Показательны разногласия относительно трактовки трансакций в оригинальной институциональной экономике и неинституционализме. Дело в том, что новая институциональная экономика, принимая, вслед за оригинальной институциональной традицией, трансакцию в качестве основной единицы анализа (Юдкевич, 2011. С. 144), фактически со временем выхолостила сущность трансакционного анализа, сделав, во-первых, «технологическим» само понятие трансакции, исключив из него переход прав и обязанностей¹¹, а во-вторых, свела сам этот анализ главным образом к анализу трансакционных издержек.

Наряду с приведённым ставшим классическим для новой институциональной школы определением О. Уильямсона, в качестве примера можно обратиться к одной из работ известного представителя неинституционализма А. Грейфа. В своей книге Грейф также рассматривает трансакции как базовые единицы анализа в контексте эволюции институтов с учетом исторических траекторий развития тех или иных обществ (Грейф, 2013. С. 40), но демонстрирует отличное от оригинального институционализма понимание.

Предлагая подход к изучению институтов с точки зрения равновесия, признавая при этом, что они не являются монолитными единицами, он конкретизирует: «Объект исследования ограничивается требованием, что институты должны составлять рукотворные нематериальные факторы, экзогенные для каждого индивида, на чье поведение они влияют, и порождающие регулярность поведения в определённой социальной ситуации» (Грейф, 2013. С. 56). Социальной ситуацией считается та, которая предполагает трансакцию; трансакция же, в свою очередь, определяется как действие, совершаемое, когда нечто (например, товар, социальная установка, эмоция, мнение или информация) переходит от одной социальной единицы к другой. Этими социальными единицами могут быть индивиды, организации или иные сущности (например, Бог или духи предков). Их считают действующими лицами, чье поведение мы изучаем (Грейф, 2013. С. 72).

Использование теоретико-игрового подхода к исследованию трансакций, – а Грейф, как и многие неинституционалисты, использует неоклассические микроэкономические методы исследования, – также увеличивает расхождение между оригинальным и нео-институционализмом. Дело в том, что игровой подход не способен генерировать новой информации и предоставить знания о самих институтах, содержании соответствующих действующих правил (которые для стороннего наблюдателя могут быть не очевидными) и пространстве возможностей. Сводить же исследователь-

¹⁰ А. Шмидт, развивая концепцию поведенческой институциональной экономики, видит задачу анализа институциональных изменений в том, чтобы лучше информировать выбор конституционных альтернатив и отдельные группы о том, как лучше использовать существующие политические институты для их пользы (advantage), выявления того, каковы последствия тех или иных правил и чьим интересам они служат (Schmid, 2004. P. 4). Далее, анализ институционального влияния (institutional impact analysis) он видит в предоставлении гражданам информации о том, чтобы они знали, какие институты служат их частным интересам, или, другими словами, чтобы лучше информировать их в вопросе поддержки альтернативных формальных институтов, а также для осуществления работы по достижению договорённости, согласованию действий (accommodation) с другими людьми с различными интересами (Bromley 1997 [Op. cit.: Schmid, 2004. P. 4]). Примечательно, что в своём учебнике А. Шмидт пользуется понятием «гражданин».

¹¹ «Трансакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смежного с первым. Заканчивается одна стадия деятельности и начинается другая» (Уильямсон, 1996. С. 27).

ский процесс к проблеме выбора в условиях ограничений, пусть и институциональных, зачастую неправильно. Увлеченность построением формальных моделей в неoinституционализме приводит к возникновению множества элегантных теоретических конструкций, которые, по сути, являются продолжением «экономики классной доски» и не создают нового знания о существовавших или существующих институтах.

Описанное понимание трансакции объясняет ещё одну важную особенность оригинального институционализма – его тесную связь с правом. Правовое направление в старом институционализме прежде всего связано, конечно же, с деятельностью Дж. Коммонса и его учеников (см. подробно: Rutherford, 2006).

Неoinституционалисты тоже уделяют значительное место в своих исследованиях правовым вопросам. В рамках неoinституционализма даже возникло целое течение «Экономический анализ права (Law and Economics)». Более того, сформировалось понятие «золотого треугольника NIE», в качестве «фирменного знака» новой институциональной теории, подчёркивающей три её основных концепта – теорию трансакционных издержек, экономическую теорию прав собственности и теорию контрактов, при этом настойчиво акцентируя конвергентность новой институциональной теории с неоклассикой (Furubotn, Richter, 1998. P. 436 [Цит. по: Ефимов, 2007. С. 49–50, сноска 2]).

Однако представление об институтах как экзогенных ограничениях, на которое мы указывали выше как на характерную особенность нового институционализма, накладывает свой отпечаток, в связи с чем подходы к исследованию правовых норм в старом и новом институционализмах также кардинально различаются. Если в традиции Коммонса основной упор делается на генезисе и качественных особенностях действующих норм в контексте коллективных действий и практических вопросов создания правовых норм, то в неoinституционализме правовые нормы рассматриваются как стандартные ограничения, способствующие или препятствующие формированию равновесных ситуаций на тех или иных рынках.

Необходимо добавить, что из вышеописанных методологических предпосылок оригинальной институционалистской традиции вполне логично вытекает эволюционная концепция институтов и экономики. Впервые об эволюционном характере экономической теории сказал Т. Веблен в своей статье «Почему экономика не является эволюционной наукой?» (Veblen, 1898). В рамках этого течения сформировалось свое специфическое понимание эволюции, основанное на концептах социальной антропологии, уделяющее особое внимание роли культуры, социальных ценностей, преобладающих человеческих привычек (и, первоначально, у Веблена – «инстинктов»). Неслучайно основной журнал старых институционалистов *Journal of Economic Issues* издается Ассоциацией эволюционной экономики¹². Однако в 80-е гг. XX в. эволюционная экономика начала развиваться как конвергентное с неоклассикой и неoinституционализмом течение, основными представителями которого стали Р. Нельсон и С. Уинтер. В настоящее время эволюционная экономика находится в научном пространстве между оригинальным и новым институционализмом, и многие исследователи работают в смежных областях, так что их трудно однозначно отнести к одному или другому научному течению (Т. Кнудсен, Н. Ланглуа, Б. Лоусби, Дж.С. Меткалф и др.).

В продолжение замечаний о методологической неразберихе следовало бы добавить, что в современных исследованиях неoinституционалистов иногда попадаются курьезные моменты, где представителей различных научных школ, никак не связанных с институционализмом, относят к представителям старой институциональной экономики. Тот же А. Грейф пишет: «...Спецификация и решение игры требуют сильных допущений относительно общих моделей познания и рациональности у игроков. Начиная анализ с игры, мы, таким образом, игнорируем возможную роль институтов в создании знания, познании и в направлении рациональности. Важность таких ролей институтов, однако, подчеркивается в литературе старого институционализма. В ней убедительно показывается, что главная причина существования институтов заключается в том, что индивиды никогда не бывают полностью рациональными и не обладают идеальным общим знанием ситуации [Veblen 1899; Веблен, 1984; Mitchell, 1925; Commons, 1924; Коммонс, 2011; Найек, 1937; Хайек, 2011]» (Грейф, 2013, с. 37). Таким образом, Грейф отнес к представителям старого институционализма Фридриха фон Хайека.

¹² The Association for Evolutionary Economics (<http://afee.net/?page=jei>).

Конечно, доля истины в высказывании Грейфа присутствует – Хайек, действительно, отмечал, что индивиды «не обладают идеальным общим знанием ситуации» и всегда подчеркивал важность неявного знания в экономической координации¹³. Хайек также отмечал важность исследования институтов, только его подход значительно отличался от его современников – старых институционалистов. Вслед за Менгером, который описал спонтанную эволюцию института денег (*Менгер, 1992. С. 217–242 [Цит. по: Вольчик, 2007]*), Хайек также отмечал важность исследования эволюции институтов через призму неявного знания и спонтанного эволюционного процесса¹⁴.

Однако Хайек, впрочем, как и большинство представителей австрийской школы, со скепсисом относился к старым институционалистам. Австрийцы, являясь приверженцами «рыночного фундаментализма», не могли принять ярко выраженную приверженность к регулированию оригинального институционализма, где особое внимание уделяется видимой руке государства, коллективному действию и действующим правилам (нормам). В этом австрийцы ближе к неоинституционализму¹⁵.

Заключительные замечания, или зачем всё-таки нужна методология оригинального институционализма

В книге, посвящённой наследию американской институциональной мысли, Алан Грачи говорит о том, что, подобно тому как Дж. Дьюи старался придать функциональность философским спекуляциям, Дж. Коммонс стремился экономическую науку сделать функциональной (*Gruchy, 1947. P. 157*). Именно эти слова, как нам представляется, отражают как прошлое оригинального институционализма, так и его вполне реальное будущее. Многие было сделано школой Висконсинского институционализма в отношении экономической практики, включая участие в реформистской деятельности государства (*Резерфорд, 2012; Rutherford, 2006; Голионко, 1998*).

Размышления, предложенные в данной статье, наряду с работами авторов, представленными в списке литературы, содержат сильные аргументы, призывающие читателя задуматься о необходимости смещения исследовательских акцентов, преобладающих в современных учебных курсах, с тем чтобы они могли стать социально полезными – для экономической теории и практики. Тем более что сегодня информационная открытость и простота обмена знаниями создают для этого гораздо более плодотворную почву, чем когда-либо ранее.

Привлекать внимание к вопросам философии и методологии экономической науки важно постольку, поскольку «Онтологические и эпистемологические позиции исследователя реальных экономических процессов являются решающими для познавательного успеха его исследовательских практик» (*Ефимов, 2013. P. 7*).

В заключении своей недавней статьи «Размытые границы, фрагментарные основания: размышления по поводу оригинальной и новой институциональной экономики» Дж. Ходжсон (*Hodgson, 2014. P. 605*) приходит к выводу, что значительное количество работ всех течений институциональной экономики страдает от недостатка ясности и консенсуса относительно ключевых концепций и дефиниций. И хотя попытки внести ясность и наладить диалог предпринимаются регулярно, результатов, видимо, ждуть ещё очень долго.

¹³ Более того, Хайек, «характеризуя это неполное личностное знание миллионов незнакомых друг другу людей, проводит частичную аналогию между разделением труда и разделением знания в обществе: в действительности мы можем наблюдать, что фрагменты знания, рассеянного среди множества индивидов, соединяясь, приводят к таким результатам, как будто люди действовали по единому плану. Рыночная неопределенность агентов выступает, таким образом, важнейшей предпосылкой функционирования конкурентного механизма, поскольку фрагментарное личностное знание в то же время экономически наиболее значимо, так как владение им обеспечивает сравнительные преимущества в выполнении тех или иных видов деятельности» (*Вольчик, 2007. С. 105*).

¹⁴ «Например, с точки зрения Хайека любая эволюция – культурная или биологическая – ... представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам, к непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. В этом состоит еще одна причина, вследствие которой эволюционная теория в принципе не обеспечивает рациональности прогнозов и контроля будущих изменений. Её разрешительные возможности состоят в том, чтобы показать, каким образом у сложно организованных структур вырабатываются способы корректировки развития, «ведущие к новым эволюционным изменениям, которые, однако, по самой своей природе, неизбежно остаются непредсказуемыми» (*Хайек, 1992. С. 48*)» (*Вольчик, 2007. С. 109*).

¹⁵ К примеру, многие концепты новой институциональной экономики, такие как теорема Коуза в трактовке Стиглера, полностью согласуются с основными постулатами австрийской школы.

Важная задача нашей статьи – развитие такого диалога в сообществе институциональных экономистов. Ведь наличие и постоянство дискуссий является источником надежды на то, что институциональная экономика действительно станет той незаменимой составляющей образовательного процесса и научных исследований, которая не только несёт пользу самому сообществу профессиональных экономистов, но и помогает коммуникации в среде социальных наук, способствуя пониманию сложных процессов в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс.
- Вольчик В.В. (2007). «Затерянный мир» австрийской экономической теории // *Terra Economicus*, т. 5, № 3, с. 101–110. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf.
- Гамильтон У. (2007). Институциональный подход к экономической теории // *Terra Economicus*, т. 5, № 2, с. 110. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_2.pdf.
- Голионко Е.С. (1998). Участие университета штата Висконсин, США, в прогрессистских реформах (1903–1914 гг.). Дисс. ... канд. истор. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Высшая школа экономики.
- Ефимов В.М. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*, № 8, с. 49–67. Доступно на: http://mpr.a.uni-muenchen.de/49118/1/MPRAraper_49118.pdf.
- Ефимов В.М. (2012). Предисловие к статье Ф. Майровски «Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*, т. 10, № 1, с. 89–99.
- Ефимов В.М. (2013). От машин удовольствия к моральным сообществам (Размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 5, № 2, с. 7–47. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/08/10/1251247886/jis5.2-2.pdf>.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *Terra Economicus*, т. 10, № 3, с. 69–76. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*, т. 10, № 1, с. 100–116.
- Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики (часть I) // *Terra Economicus*, т. 11, № 2, с. 82–93. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_2_1.pdf.
- Майровски Ф. (2013б). Философские основания институционалистской экономики (часть II) // *Terra Economicus*, т. 11, № 3, с. 72–88. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_3_1.pdf.
- Менгер К. (1992). Основания политической экономии / В кн.: Автономов В.С. (сост.) (1992). Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика. (Экон. наследие.) [Цит. по: Вольчик В.В. (2007). «Затерянный мир» австрийской экономической теории // *Terra Economicus*, т. 5, № 3, с. 101–110. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf].
- Резерфорд М. (2012). Полевые, тайные и включённые наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // *Terra Economicus*, т. 10, № 4, с. 91–106. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419515/journal10.4-10.pdf>.
- Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат; CEV Press, 702 с.
- Хайек Ф.А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. [Цит. по: Вольчик В.В. (2007). «Затерянный мир» австрийской экономической теории // *Terra Economicus*, т. 5, № 3, с. 101–110. Доступно на: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf].
- Ходжсон Дж.М. (2003а). Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // *Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*, т. 1, № 4, с. 11–30. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2003/journal1.4.pdf>.
- Ходжсон Дж. (2003б). Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 464 с.

- Юдкевич М.М. (2011). Авнер Грейф: модель для сборки // *Вопросы экономики*, № 11, с. 142–149.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.
- Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of institutions: a discussion // *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–47 (doi:10.1017/S1744137411000336).
- Dequech D. (2002). The demarcation between the «old» and the «new» institutional economics: Recent complications // *Journal of Economic Issues*, vol. 36, № 2.
- Furubotn E.G., Richter R. (1998). Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics. Ann Arbor: The University of Michigan Press. [Цит. по: Ефимов В.М. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*, № 8, с. 49–67. Доступно на: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/49118/1/MPRA_paper_49118.pdf].
- Gruchy A.G. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. New York: Prentice-Hall, Inc.
- Hamilton W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory. *American Economic Review*, vol. 9, no. 1, pp. 309–318.
- Hodgson G.M. (1998). The Approach of Institutional Economics // *Journal of Economic Literature*, vol. 36, № 1, pp. 166–192.
- Hodgson G.M. (2000). What is the essence of institutional economics? // *Journal of Economic Issues*, vol. 34, Issue 2.
- Hodgson G.M. (2013). From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press.
- Hodgson G.M. (2014). On Fuzzy Frontiers and Fragmented Foundations: Some Reflections on the Original and New Institutional Economics // *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, no. Special issue 4, pp. 591–611. Available at: <http://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/14771/906911.pdf?sequence=2>.
- Khalil E. (1995). Organizations versus Institutions // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 151, № 3, pp. 445–660.
- Rutherford M. (2006). Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his Students // *Labor History*, 47, pp. 161–188.
- Schmid A.A. (2004). Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics. Oxford: Blackwell Publishing.
- Veblen T. (1898). Why is Economics not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 12, № 4, pp. 373–397.

REFERENCES

- Golionko E.S. (1998). The participation of the University of Wisconsin, USA, in the Progressive Reforms (1903–1914). *Dissertation submitted in fulfillment of the requirements for the PhD in history*. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russian.)
- Hayek F.A. (1992). The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. Moscow. (In Russian.) [Op. cit.: Volchik V.V. (2007). «The lost world» of the Austrian economic theory. *Terra Economicus*, vol. 5, no. 3, pp. 101–110. Available at: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf. (In Russian.)]
- Menger C. (1992). Principles of Economics / In: Avtonomov V.S. (comp.) (1992). Austrian school in political economy: Menger, Bohm-Bawerk, Wieser. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.) [Op. cit.: Volchik V.V. (2007). «The lost world» of the Austrian economic theory. *Terra Economicus*, vol. 5, no. 3, pp. 101–110. Available at: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf. (In Russian.)]
- Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900–1930. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 4, pp. 91–106. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419515/journal10.4-10.pdf>. (In Russian.)
- Veblen T. (1984). The Theory of Leisure Class. An Economic Study of Institutions. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2007). «The lost world» of the Austrian economic theory. *Terra Economicus*, vol. 5, no. 3, pp. 101–110. Available at: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2007/journal5_3.pdf. (In Russian.)
- Yefimov V.M. (2007). Subject matter and method of interpretive institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 49–67. Available at: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/49118/>. (In Russian.)

- Yefimov V.M.* (2012). Scientific editor's preface to the translation of the article by Ph. Mirowski «Physics and the «marginalist revolution». *Terra Economicus*, vol. 10, no. 1, pp. 89–99. (In Russian.)
- Yefimov V.M.* (2013). From pleasure machines to moral communities (reflections on a new book by Jeffrey Hodgson). *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 7–47. Available at: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49024/1/MPRA_paper_49024.pdf. Accessed on: 01.11.2013. (In Russian.)
- Yudkevich M.M.* (2011). Avner Greif: a Model for Assembly. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 142–149. (In Russian.)
- Bush P.D.* (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.
- Chavance B.* (2012). John Commons's organizational theory of institutions: a discussion. *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–47 (doi:10.1017/S1744137411000336).
- Commons J.R.* (1931). Institutional Economics. *The American Economic Review*, vol. 21, no. 4, pp. 648–657.
- Dequech D.* (2002). The demarcation between the «old» and the «new» institutional economics: Recent complications. *Journal of Economic Issues*, vol. 36, № 2.
- Furubotn E.G.* and *Richter R.* (1998). Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics. Ann Arbor: The University of Michigan Press. [Op. cit: *Yefimov V.M.* (2007). Subject matter and method of interpretive institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 49–67. Available at: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49118/>. (In Russian.)]
- Greif A.* (2006). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gruchy A.G.* (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. New York: Prentice-Hall, Inc.
- Hodgson G.M.* (1988). Economics and institutions: A manifesto for a modern institutional economics. Cambridge and Philadelphia: Polity Press and University of Pennsylvania Press.
- Hodgson G.M.* (1998). The Approach of Institutional Economics. *Journal of Economic Literature*, vol. 36, № 1, pp. 166–192.
- Hodgson G.M.* (2000). What is the essence of institutional economics? *Journal of Economic Issues*, vol. 34, Issue2.
- Hodgson G.M.* (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 27, pp. 159–175.
- Hodgson G.M.* (2013). From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press.
- Hodgson G.M.* (2014). On Fuzzy Frontiers and Fragmented Foundations: Some Reflections on the Original and New Institutional Economics. *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, no. Special issue 4, pp. 591–611. Available at: <http://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/14771/906911.pdf?sequence=2>.
- Khalil E.* (1995). Organizations versus Institutions. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 151, № 3, pp. 445–660.
- Mirowski Ph.* (1987). The philosophical bases of institutionalist economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, pp. 1001–1038.
- Rutherford M.* (2006). Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his Students. *Labor History*, 47, pp. 161–188.
- Schmid A.A.* (2004). Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics. Oxford: Blackwell Publishing.
- Veblen T.* (1898). Why is Economics not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 12, № 4, pp. 373–397.
- Williamson O.* (1985). The Economic Institution of Capitalism. Firms, Markets, Relation Contracting. N.Y. – L.: Free Press.